

– Какие планы на жизнь?

*– Дурой вдруг захотелось побыть:
красивой, влюбленной, богатой.*

Экзамен

Разногласия между мужчиной и женщиной возникают от того, что одним хочется любить, а другим просто хочется. И где-то после тридцати пяти они меняются ролями. Мне двадцать два, с любовью я более-менее разобралась: я любила кино. Но возможна ли большая любовь без влюбленности? Судя по тому, через что надо было пройти к этой любви, влюбленностью и не пахло. Для этого достаточно было посмотреть на судей. От присяжных несло равнодушием и высокомерием.

— Что будете читать?

— «Влюбленность».

— Так что такое влюбленность?

— Представьте себе океан: красивый, манящий, сверкающий; ты хочешь в нем искупаться, но волны немного пугают. Заходишь

не спеша по колению и гладишь ладонями, хочешь ему понравиться, вдохновляешься брызгами смеха, волшебными рыбками впадин и выступов, они привлекают внимание; наконец, ныряешь, плаваешь долго, часами, счастливый, улыбаешься солнцу, вот оно счастье. Бросаешь монетки, чтобы скоро снова вернуться. Но отпуск, каким бы он ни был, заканчивается.

— Влюбленность проходит?

— Потопчется и проходит, океанов так много, в которые тоже хотелось бы окунуться.

— А если в другие не хочется, если все время возвращаешься мысленно к этому?

— Влюбленность стала любовью, и это уже серьезно.

Я закончила и попыталась стряхнуть с себя многогранный взгляд членов комиссии.

Один все время смотрел на мою грудь, другая — на зубы, третья — в глаза, и взгляд этот был не добрый. Хуже всего было с четвертым, он смотрел в свой телефон и этим больше всего

отвлекал. Лишь у одной дамы, с розочкой в петлице пиджака, в глазах плескалось море. Первая любовь затянула поволокой ее глаза. Она погрузилась в грезы давно минувших дней. Повисла неловкая пауза, ни ветерка.

— Ну, что же, — очнулась последняя раньше других, — вы только забыли назвать автора.

— Я.

— Значит, из скромности. Вы знаете, что скромность — первый враг актера?

— А какой второй?

— Второй? — не ожидала она вопроса. — Как и у всех — лень. Что приготовили из классики?

— «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского.

— Не люблю ревнивцев. У меня муж такой, — только что в глазах у нее плескалось море. Влюбленность уходила. В море вошел муж по колени, остановился и стал всматриваться в горизонт. Ей снова стало сорок пять. Обыденностью затянуло горизонт. Если здесь, на работе, еще было какое-то проветривание,

то дома — кухня, семья, рутина, классика в быту и в постели.

— Вторая фаза влюбленности, — пошутила старушка, которую в кулуарах звали «Зубная фея», так как она всегда смотрела в зубы абитуриентов. Возможно, в ней умер хороший стоматолог. На вид старушка была вполне себе приятной и кроткой, если бы не уродливый шиньон и не вызывающе красная помада.

Я знала, что на прослушивании все решает симпатия, да и не только на прослушивании. Это как любовь с первого взгляда, либо возьмут замуж, либо «пока». Я люблю смеяться, а этим нужна была драма, драматических любуя больше, всем нравится, когда девушки страдают.

— Вы уже не первый раз поступаете?

— Не первый.

Уже не первый год я ходила на прослушивания в четыре главных актерских вуза: ГИТИС, МХАТ, «Щепку» и «Щуку»

— Мне кажется, это не ваше.

— Почему?

— Прикус неправильный. Сколько вам лет? — наконец-то оторвался от своего телефона один из членов комиссии.

— Двадцать два.

— Да и старая вы уже для актрисы, — поддержал его дедушка, который все прослушивание смотрел на меня с открытым ртом. Наконец молвил.

— А вам сколько? — стало мне неожиданно смешно и до лампочки.

— Восемьдесят пять.

Члены комиссии невольно улыбнулись. Все знали, что он берет к себе только семнадцатилетних блондинок с ногами от ушей.

Я читала Достоевского, все больше чувствуя себя здесь чужой женой. Хватаясь рукой за «Щепку» в открытом океане чувств. Театральный — это школа выживания. Я искала дверь, чтобы в нее зайти.

Вспомнился ГИТИС, где держали перед экзаменом около дверей, из которых время от вре-

мени выходила тетка и кричала фамилии для прослушивания. Там из-за неправильного прикуса мне сразу сказали — «до свидания». Плакать можно было уже здесь, но я держались до последнего. Слезы здесь — типичное дело. Идешь к университету, а навстречу просто река слез тех, кто не прошел. Они поплыли. Поступление в театральные — безжалостное зрелище. Чистой воды дискриминация, но что делать: мастер набирает материал, из которого он сможет смастерить нужных ему марионеток. Дергай потом талантливо за нитки, чтобы это красиво выглядело из зала. Мастер пробует всех на вкус; надо быть не только съедобным, но и вкусным, чтобы попасть к нему в мастерскую. А на тебя смотрят, как на поганку в лесу, которую даже ногой пнуть лень, в лучшем случае — как на ложный подберезовик.

Один сказал, что ему не нравятся ямочки на щеках, когда я улыбаюсь; кому-то не понравились пальцы; где-то попросили юбку задрать, чтобы на ноги посмотреть.

В годы моего поступления не было ни дня, чтобы я не видела какую-то плачущую девушку. Я сама была этой плачущей девушкой. Наконец я отпустила мужа, его жену, Достоевского.

— Ну что вы скажете? — спросила дама с шиньоном.

— Пусть еще годик поработает над речью, — ответил мистер Айфон.

— А плакать умеете? — вдруг очнулась женщина с розой, к которой снова вернулась влюбленность. По глазам было видно, что она бы с удовольствием послушала это стихотворение еще раз.

— Да.

— Давайте.

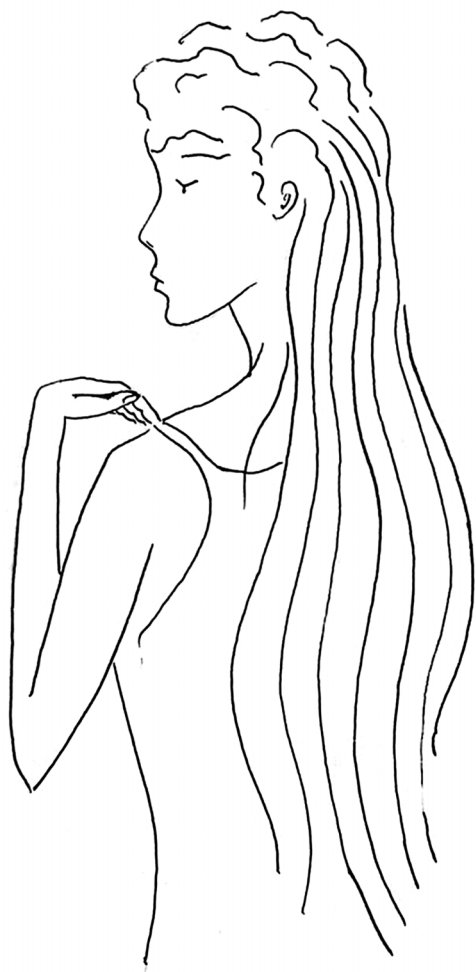
— Не улыбаться, а плакать.

Я рассмеялась. Это был протест против всей системы Станиславского, и я смеялась все громче и громче. Стены дрожали. Члены комиссии смотрели на меня, как на безумную и тоже начали улыбаться. Не знаю, сколько времени я хохотала, потом подошла к двери,

дернула ручку, вышла наружу, затворила ее за собой и оперлась спиной, слезы так и потекли... Сквозь них — только удивленные лица абитуриентов. Через минуту я почувствовала, что кто-то толкает меня в спину. Дверь. Она открылась:

— Мелихова, вернитесь на минуточку.

Не переживай

— Молодость — личное дело каждого. Женщины снова становятся девушками, как только начинают себя любить, независимо живут ли они здесь или за границей, в городе или на селе.

— Независимость — самая сильная сторона красоты!

— Здравсьте, — явилась на кухню широкая добродушная мина огромного мужчины и разорвала беседу. Он подправил свои лихие усы и улыбнулся сразу всем. На кухне стало светлее. Хохол всюду за собой тащил праздник. В любую погоду он был весел, улыбка не сходила с его усов. Бывает ром-баба, а это был ром-мужик, и глазурь хитрецы придавала ему дополнительного шарма. Особенно очарователен был его русский язык с украинским почерком. Суржик.